

привел на каком-то своем повороте к утопии «научно-обоснованного мировоззрения»?

Ю. М. Романенко*

ЗАГАДКА О ЧЕЛОВЕКЕ В ПЛАТОНОВСКОМ «ТИМЕЕ»

В замысел платоновского диалога «Тимей» вошли две задачи: реконструкция возникновения Космоса и определение в нем места человеку. Обе задачи взаимообуславливают друг друга, поскольку описание космического генезиса и устройства дается людьми — участниками диалога — встроенными наблюдателями и жителями Космоса. Апелляция к внечеловеческим силам, создающим Космос — это тоже человеческая характеристика, несмотря на то, что само описание ведется как бы от лица Создателя, что составляет содержание «правдоподобного мифа». По сути дела, данный диалог реализует «антропный принцип в космологии» в контексте античной философии.

Примем крайнюю антропологическую точку зрения, ставящую человека в фокус внимания («человек есть мера всех вещей»), и абстрагируемся от вопроса «каков Космос есть сам по себе». Космос может быть каким угодно, но человека более интересует вопрос о том, что есть Космос с человеком. Такая антропоцентрическая позиция, по видимости, противоположна платоновской, ибо он претендует, как раз, на «внечеловеческое» («объективное», так сказать) описание, хотя оговорки в ходе изложения посто-

---

* Романенко Юрий Михайлович — канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета СПбГУ.

янно напоминают о проблематичности подобного подхода. В любом случае речь о Космосе ведут люди, даже когда они ретранслируют божественные откровения (с разной степенью искаженности, которая никогда не сводится к нулю). По большому счету, Космос и есть божественное откровение человеку Космоса, что еще должно быть усвоено человеком.

Абсолютно совершенным Космос был бы тогда, когда в нем не было бы человека. Платон на этот «дочеловеческий» этап космогенезиса указал: «[Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия и состояния в себе самом и само через себя. Ибо построивший его нашел, что пребывать самодовлеющим много лучше, нежели нуждаться в чем-либо» (Тимей, 33c-d). Когда человека не было, то не было ни для кого и проблемы Космоса. Вот это возмущающее действие внутри Космоса, вносимое самим фактом существования человека в нем, и должно быть основной проблемой в человеческих космологических гипотезах и моделях.

Представляется, что Платон подспудно прекрасно понимает суть этой проблемы и пытается нащупать эту неуловимую точку пересечения Космоса и человека. «Если нам удастся попасть в точку, у нас в руках будет истина...» (Тимей, 53e). Сами по себе позитивные дефиниции и дескрипции не так важны, они всегда будут односторонними — наполовину истинными, но и наполовину ложными. Их необходимо делать, но не ради них самих, а для того, чтобы создать условия возможности для узнавания чего-то иного.

Первым беспредпосылочным тезисом в направлении решения вышесформулированной проблемы выставим по-

ложение, что человек, вообще-то говоря, не есть космическое существо. Человек может быть в Космосе (сейчас, для нас и Платона, это вроде фактично), но может и не быть. Где был человек до появления его в Космосе пока неизвестно, но он каким-то образом все же был, с присущей ему какой-то природой, которую еще нужно было прилаживать в процессе интеграции человека в становящийся Космос. Вот в чем состоит загадка о человеке, просвечивающаяся между строк диалога «Тимей».

Платон-человек (?) вещает от лица богов, проникая (по какому праву?) в их замысел относительно человека: «Ведь боги, построившие нас, помнили о заповеди своего отца, которая повелевала создать человеческий род настолько совершенным, насколько это возможно...» (Тимей, 71d).

Прямым следствием содержания этого фрагмента является вывод о том, что человек в космогенезе был возможен (практически абсолютно (?) отсутствуя), и лишь искусно устроенный естественный процесс развития Космоса привел к переходу от возможности к действительности человека. Но почему, все-таки, явление человека в Космосе оказывается ущербным?

Задаваясь этим вопросом, снова вернемся к последней цитате и выведем из нее еще одно, косвенное, следствие. По всей видимости, человеческая природа в возможности является ущербной для вторичных богов, действующих по заповеди их Отца. Но сам Отец, вероятно, заранее знал природу человека, если предупредил о ее специфике вторичных богов. И поскольку для Единого Бога нет ничего невозможного, а все есть действительное, то значит в каком-то смысле человек сам по себе, прежде своей возможности появления в Космосе, уже был действитель-

ным (вернее, есть действительный). Тогда проблема «искаженности», быть может, сдвигается с человека и переадресуется кому-то другому. Не исключено, что вторичные боги не способны совладать с человеческой природой не потому что только она искажена, но и потому, что у них тоже что-то не в порядке. Одна неполноценность противостоит другой неполноценности.

Платону удалось подслушать речь Отца вторичным божествам. (Интересно, где Платон в это время находился?). Послушаем, как он пересказывает то откровение, которое в принципе не мог слышать человек, отсутствуя тогда, получается, даже в возможности. «Когда же все боги — как те, чье движение совершается на наших глазах, так и те, что являются нам, лишь когда сами того пожелают, — получили свое рождение, родитель Вселенной обращается к ним с такой речью:

“Боги богов! Я — ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля. Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. А потому, хотя вы, однажды возникнув, уже не будете совершенно бессмертны и неразрушимы, все же вам не придется претерпеть разрушение и получить в удел смерть, ибо мой приговор будет для вас еще более мощной и неодолимой связью, нежели те, что соединили при возникновении каждого из вас. Теперь выслушайте, чему наставит вас мое слово. Доселе еще пребывают нерожденными три смертных рода, а покуда они не возникли, небо не получит полного завершения: ведь оно не будет содержать в себе все роды живых существ, а это для него необходимо, дабы оказаться достаточно завершенным. Однако (Очень симп-

томатично это “однако”. — *Ю. П.*), если эти существа возникнут и получат жизнь от меня, они будут равны богам. Итак, чтобы они были смертными и Вселенная воистину стала бы Всем, обратитесь в соответствии с вашей природой (Какова, все же, специфика и возможности этой “природы”? — *Ю. П.*) к образованию живых существ, подражая моему могуществу, через которое совершилось ваше собственное возникновение. Впрочем, поскольку подобает, чтобы в них присутствовало нечто соименное бессмертным, называемое божественным [началом], и чтобы оно вело тех, кто всегда и с охотой будет следовать справедливости и вам, я вручу вам семена и начатки созидания, но в остальном вы сами довершайте созидание живых существ, сопрягая смертное с бессмертным, затем готовьте для них пропитание, кормите и возвращайте их, а после смерти принимайте обратно к себе”» (Тимей, 41a-d).

Сказано — сделано. Родитель Вселенной не снизошел до окончательного (воплощенного) создания человека, перепоручив это своим подмастерьям. Но Он хотел создания человека, дабы «небо получило полное завершение» (?) и чтобы благодаря наличию смертных «Вселенная воистину стала бы Всем» (?). «Сделав все эти распоряжения, он пребывал в обычном своем состоянии. Между тем его дети, уразумев приказ отца, принялись его исполнять...» (Тимей, 42e).

Допустим, что Платон без искажений передал речь Отца богам. Не случайно ведь Платона называли «божественным». Но даже в такой форме это сказание вызывает много вопросов. Какова, все-таки, природа рожденных богов в их возможном отношении к природе человека? Сама по себе природа богов идеальна, как и все рожденное от Отца. Они всё могут сделать идеальным и совершенным.

Всё, кроме человека, который почему-то не поддается полной идеализации. Отец мог бы и сам родить человека, но тогда этот акт был бы аналогичным созданию богов и ничего нового не получилось бы. Он даже не стал обращаться потом напрямую к людям, после их возникновения, с приблизительно такой речью, подобной предыдущей его речи к богам: «Люди! Я ваш демиург и отец вещей. Вы созданы по моему повелению посредством практических действий порожденных мною богов. Пребывайте отныне такими, каковы вы есть...»

Разумеется, таких речей можно нафантазировать сколь угодно много, в подражание стилю Платона. Но, все же, стоит продолжить постановку предельных вопросов и гипотез относительно тех проблем, которые затрагивает сам Платон. Текст «Тимея» — только верхушка айсберга и о многом главном Платон наполовину умолчал по разным причинам. Допустимо дополнить частичные гипотезы Платона некоторыми другими, не отступая от главной его цели.

Текст «Тимея» мог бы расшириться за счет включения в него вышенамеченной гипотетической речи Отца людям помимо ушей вторичных божеств (хотя она, может быть, исторически еще преждевременна или уже состоялась от века в зове по имени человека из небытия). Весьма загадочными и таинственными представляются причины неполноценности природы богов и природы людей в их отношении друг к другу, от чего зависит характер взаимоотношения людей и богов в пределах свершившегося Космоса. Для разработки поставленных гипотез потребовался бы второй Платон, поэтому остановимся здесь в ожидании. Как остановилась в ожидании ответов на эти вопросы античность. Эпоха Средневековья некоторые от-

веты дала. Но история и космос еще продолжают существовать. Как продолжает существовать человек.

Загадка о человеке остается для нас актуальной. В лекционном выступлении на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета 30 марта 1998 года В. В. Бибихин говорил о некоем партнерстве (как позитивном, так и негативном) в процессе космической эволюции между людьми и иными существами (богами, ангелами, демонами). Исход этих взаимоотношений не предрешен. В. В. Бибихин ссылаясь на мнение А. В. Ахутина, что человек не есть в полном смысле род (т.е. космическое существо). Подобные предположения подводят нас к более ясному пониманию существа той загадки, которую представляет человек, мы сами. Несомненно, Платону удалось увидеть идеальное изваяние Космоса — по неподдельности тона это признается сразу. Но сумел ли он распознать на космическом фоне образ человека? — это требует отдельного большого исследования.

М. А. Солопова*

БЕССМЕРТИЕ НЕРАЗУМНОЙ ДУШИ У ПЛАТОНА И В ПОЗДНЕМ ПЛАТОНИЗМЕ

Для обсуждения предлагается вопрос о бессмертии души в платонизме. Бессмертие души — особенность учения платоников в отличие от всех других философских

---

* *Солопова Мария Анатольевна* — научный сотрудник Института философии РАН (Москва).